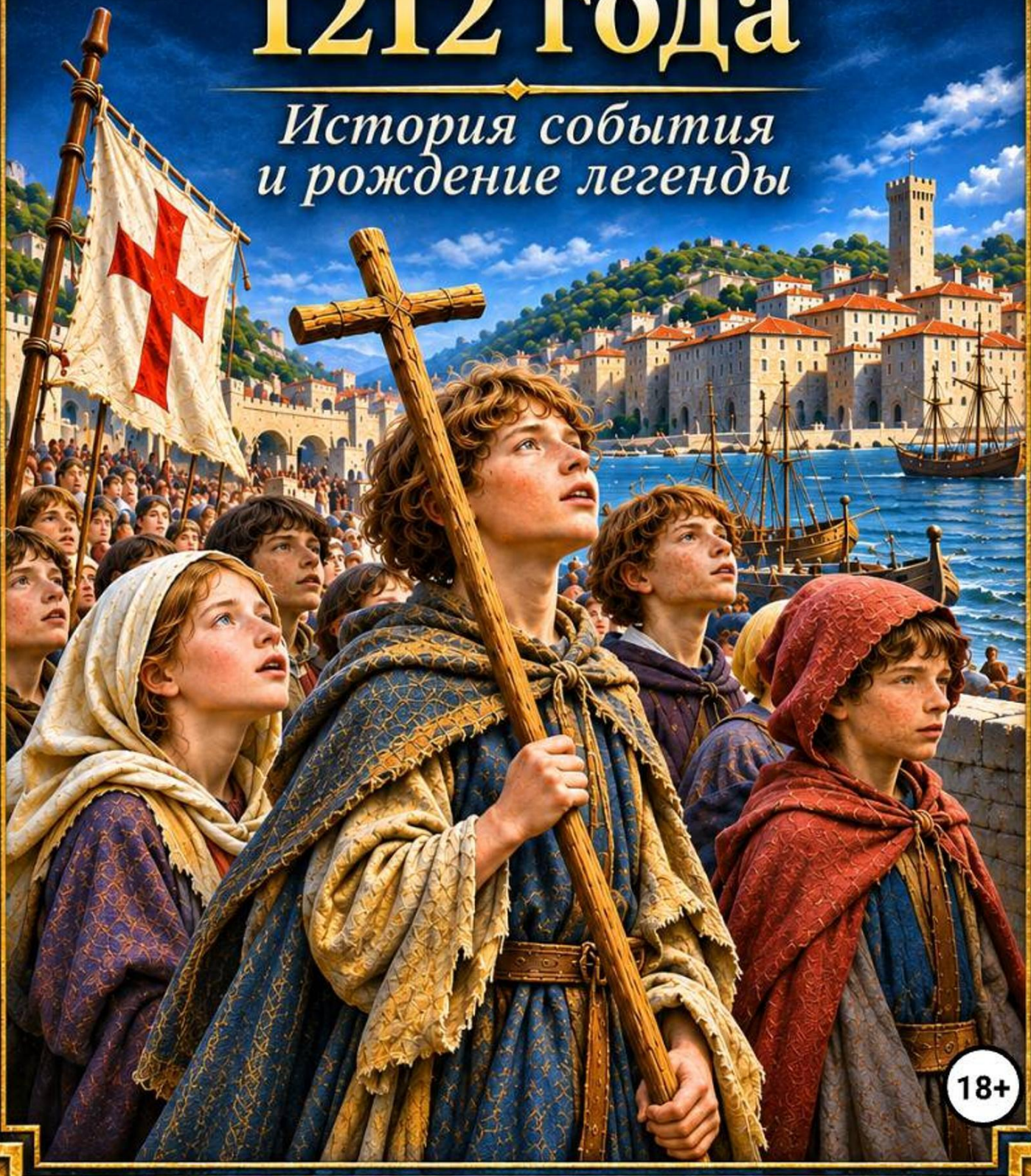
С крестом и мечом

Надточий В. Д.

Детский крестовый поход 1212 года

История события и рождение легенды

18+

Владислав Надточий

Детский крестовый поход 1212 года. История события и рождение легенды. С крестом и мечом

«Автор»
2026

Надточий В. Д.

Детский крестовый поход 1212 года. История события и рождение легенды. С крестом и мечом / В. Д. Надточий — «Автор», 2026

Тысячи юных паломников отправились к Святой земле. Но что произошло с ними на самом деле?В 1212 году Европу охватило загадочное религиозное движение, вошедшее в историю как Детский крестовый поход. Согласно легенде, дети верили, что море расступится перед ними и откроет путь к Иерусалиму. Но вместо чуда их якобы ожидали предательство, кораблекрушения и рабство.Были ли участники похода действительно детьми? Кто повёл их за собой? Куда исчезли тысячи паломников? И почему свидетельства современников противоречат знаменитой легенде?Опираясь на средневековые хроники и исследования историков, автор раскрывает подлинные обстоятельства событий 1212 года, отделяя установленные факты от позднейших вымыслов.Откройте одну из величайших загадок Средневековья — историю, в которой правда может оказаться удивительнее легенды.

© Надточий В. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Европа перед 1212 годом 7
События 1212 года 11
Участники движения 13
Дорога через средневековую Европу 15
Итоги движения 17
Рождение легенды 18
История и память 20
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Владислав Надточий Детский крестовый поход 1212 года. История события и рождение легенды. С крестом и мечом

С КРЕСТОМ И МЕЧОМ
Надточий В. Д.
ДЕТСКИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД 1212 ГОДА
История события и рождение легенды
Монография

В августе 1212 года к воротам Генуи подошла необычная толпа. Городской анналист Огерио Пане записал, что вместе с неким Николаем прибыло около семи тысяч человек. Они явились из германских земель, прошли сотни километров и ожидали продолжения пути. Эта короткая запись особенно ценна: она появилась в самом городе, вскоре после прибытия странников. Но в нём нет ни расступившегося моря, ни купцов-работорговцев, ни единого детского войска. Всё это появится в других текстах, написанных позднее. Историку предстоит выяснить, кто первым рассказал эту историю и когда к ней прибавились новые подробности. Чем ближе свидетель к событию, тем выше его потенциальная ценность, хотя близость сама по себе не гарантирует точности. Очевидец может ошибиться в числе людей; монах из далёкого монастыря способен сохранить письмо или рассказ путешественника, недоступный местному летописцу. Поэтому источники приходится не выстраивать в простую очередь, а сопоставлять. Выражение «Детский крестовый поход» тоже нуждается в оговорке. Участники не получили официального папского призыва, им не было обещано отпущение грехов на тех же условиях, что участникам санкционированных экспедиций, а сами движения, насколько можно судить, не имели общего штаба или плана. Французская группа собралась вокруг пастуха Стефана из Клуа и направилась к королю Филиппу II. Германская группа, связанная с Николаем из Кёльна, действительно пересекла Альпы и достигла итальянских городов. Их объединяет год, религиозный язык, заметное присутствие молодых людей и слово pueri в латинских известиях. Их цели и судьбы совпадали не полностью.

Прежде всего нужно понять, что действительно делали Стефан, Николай и их спутники. Кто шёл рядом с ними — дети, подростки, бедняки или люди самых разных возрастов? И почему они верили, что их путь может привести к чуду? Почему участники безоружной процессии могли считать себя способными добиться того, что не удалось королям и рыцарям? Наконец, важно понять, почему позднейшие поколения предпочли рассказ о невинных детях более сложной истории народного религиозного движения. Ответы требуют учитывать перемену значений. Средневековое общество не пользовалось современными возрастными категориями, а латинское puer могло обозначать ребёнка, юношу, слугу или социально зависимого человека. Слово cruciata также не было нейтральной этикеткой для любого пути в сторону Иерусалима. В начале XIII века крестовый поход был оформленной религиозно-правовой практикой, связанной с обетом, знаком креста, проповедью и папской властью. Эта книга не стремится заменить легенду другой столь же простой формулой. Тезис о том, что никаких детей не было, плохо согласуется с частью ранних свидетельств. Тезис о полностью детской армии столь же плохо объясняет присутствие взрослых, хозяйственную сторону долгого перехода и разнообразие терминов. Наиболее осторожная реконструкция видит возрастно и социально смешанные движения, в которых несовершеннолетние были заметны и, вероятно, играли необычно важную символическую роль.

Для участников вера была частью повседневной жизни. В этой книге рассматривается не истинность видений, а то, как вера в них влияла на поступки участников и рассказы современников. Важно установить, как эти убеждения описывались, какие действия ими объяснялись и как их оценивали свидетели событий.

Европа перед 1212 годом

В 1212 году память об утраченном Иерусалиме оставалась живой. В 1187 году Саладин разгромил армию Иерусалимского королевства при Хаттине, а затем занял город. Третий крестовый поход не сумел вернуть Иерусалим. Четвёртый закончился ещё неожиданнее: в 1204 году крестоносцы захватили христианский Константинополь. Почему короли и рыцари терпели неудачи там, где надеялись победить во имя веры? Этот вопрос волновал многих европейцев. Но идея крестового похода не исчезла. Папа Иннокентий III стремился лучше организовать такие предприятия и расширил их цели. В 1208 году он призвал к походу против катаров на юге Франции. В 1212 году война там продолжалась, а на Пиренейском полуострове христианские войска готовились к сражению с Альмохадами. Победа при Лас-Навас-де-Толоса 16 июля 1212 года имела широкий отклик, хотя прямую связь между ней и народными шествиями того же года установить нельзя. В проповедях освобождение святынь связывали с покаянием и паломничеством. Человек, принимавший крест, давал обет и получал особый религиозный и правовой статус. Однако не всякое религиозное шествие начиналось по распоряжению церкви. Слухи о чудесах, пророчества и выступления увлечённых проповедников могли собрать толпу прежде, чем власти успевали понять, что происходит.

Особое место в этой памяти занимала утрата Животворящего Креста. Во время битвы при Хаттине в июле 1187 года реликвия, которую христианское войско несло как святыню и знак присутствия священной миссии, оказалась в руках победителей. Для латинского Запада это было не просто поражение армии: исчезновение одной из главных христианских реликвий усиливало представление о кризисе, требующем покаяния и нового усилия. Однако здесь важно различать общий культурный фон и доказанную мотивацию конкретных людей. Гэри Диксон связывал память о Хаттине и утрате Креста с духовным горизонтом движения pueri и последующей крестоносной мобилизации. Такая интерпретация помогает объяснить, почему события 1212 года могли восприниматься современниками как ответ на прежние поражения. Но сохранившиеся ранние свидетельства не позволяют утверждать, что Стефан, Николай или их спутники прямо называли возвращение реликвии своей целью либо объясняли своё выступление именно событиями 1187 года. Поэтому утрату Креста следует рассматривать как важный элемент коллективной памяти эпохи, а не как установленную непосредственную причину каждого из движений 1212 года.

Большинство жителей Западной Европы жило в деревнях. Дети рано начинали помогать семье: пасли скот, работали в поле, служили в чужих домах. Подростки могли уходить на заработки, поступать в услужение или вступать в брак. Поэтому рассказы о людях, бросивших плуги, повозки и стада, не позволяют судить только об их возрасте. Они говорят также о занятиях и положении этих людей. Между тем население и города росли. Дороги соединяли ярмарки, рынки, монастыри и святыни. По ним шли купцы, студенты, подмастерья, нищие и паломники. Участникам движения 1212 года приходилось пользоваться теми же путями и рассчитывать на помощь встречных жителей. Но накормить несколько десятков странников и обеспечить пищей многотысячную толпу — разные задачи. Гостеприимство имело пределы. Бедность в религиозных представлениях того времени тоже оценивали по-разному. Нужда могла быть знаком бедственного положения, а добровольный отказ от имущества — следованием примеру апостолов. В эти годы складывалось движение Франциска Ассизского, проповедовавшего жизнь в евангельской бедности. Нет оснований считать участников шествий 1212 года францисканцами. Однако оба явления возникли в обществе, где призыв жить просто, как Христос и апостолы, находил живой отклик.

Европа, через которую шли паломники, не была единым политическим пространством. Во Франции правил Филипп II Август, но власть короля ощущалась далеко не везде одина-

ково. В германских землях соперничали Оттон IV и Фридрих II. Кёльн был важным торговым и церковным центром на Рейне, откуда дороги вели на юг, к альпийским перевалам. За горами начиналась Италия — множество городских коммун, княжеств и церковных владений. Каждый город устанавливал собственные правила для приезжих. Эта география помогает увидеть разницу между двумя движениями 1212 года. Французская группа, связанная со Стефаном из Клуа, направилась к Сен-Дени — месту, тесно связанному с королевской властью. Германские паломники шли через Альпы к Средиземному морю. Для них сама дорога становилась испытанием, а прибытие к морю — моментом, когда надежда на чудо должна была столкнуться с действительностью. Петер Редтс предложил различать три слоя рассказов о 1212 годе: записи, составленные до 1220 года, тексты 1220–1250 годов и более поздние произведения. Это полезный ориентир, хотя дата создания сама по себе не гарантирует достоверности. Ранние анналы часто сообщают лишь несколько фактов. В поздних хрониках появляются подробные истории о злодеях, кораблях, рабстве и чудесных развязках.

К раннему слою относятся Кёльнская королевская хроника, Лаонская анонимная хроника, Марбахские анналы, Генуэзские анналы Огерио Пане и ряд кратких региональных записей. Их авторы расходятся в оценках. Кёльнский продолжатель подчёркивает, что движение началось nullo hortante nec predicante — «без чьего-либо побуждения и без проповеди». Он же пишет о multa milia puerorum a 6 annis et supra usque ad virilem etatem — «многих тысячах юных людей от шести лет и вплоть до зрелого возраста». Это не точная перепись, но фраза ясно показывает: хронист видел в толпе людей разных возрастов. Марбахский анналист использует резкое выражение nugatoria quaedam expeditio — «некая пустая экспедиция», — и называет её участниками pueri et stulti homines, «детей и неразумных людей». Однако дальше его собственное описание оказывается сложнее ярлыка: pueri et puelle, non solum minores sed etiam adulti; nupte cum virginibus — «мальчики и девочки, не только несовершеннолетние, но и взрослые; замужние женщины вместе с девушками». Это слова хрониста и его оценка, а не позиция автора книги. Лаонский аноним особенно важен для французского эпизода. Он рассказывает о пастухе Стефане из Клуа, которому Христос якобы явился в облике паломника и передал письмо королю Франции. Генуэзская запись важна для германского движения, потому что датирует прибытие группы 25 августа и передаёт оценку её численности. Однако число свыше семи тысяч анналист приписывает мнению некоего «доброго человека» (secundum opinionem cuiusdam boni hominis), а не собственному подсчёту. Поэтому эта цифра свидетельствует прежде всего о впечатлении, произведённом толпой, и не может рассматриваться как статистически точное значение. Средневековые авторы часто округляли большие величины, но сам масштаб городской записи трудно свести к поздней фантазии.

Некоторые ранние записи добавляют к общей картине важные детали. Альберт Милиоли говорит о людях, crucis signaculum assumentium — «принявших знак креста», — и называет их pauperum … peregrinantium, «бедняками, отправившимися в паломничество». Эльвангенский анналист употребил выражение incertum quo numine mota: толпа была «движима неизвестно чьей волей». Эти слова показывают, как трудно хронистам было объяснить движение, возникшее без привычного призыва властей. В сохранившейся папской переписке Иннокентия III нет надёжно установленного письма, прямо посвящённого шествиям 1212 года. Поэтому поздний рассказ о том, как папа торжественно встретил участников и одобрил их намерения, нельзя принимать за доказанный факт. Впрочем, отсутствие письма не означает, что никто из паломников не бывал в Риме: канцелярия записывала далеко не всё. Осторожности требует и молчание французских королевских документов. Лаонская хроника сообщает, что Филипп II посоветовался с парижскими учёными и велел последователям Стефана разойтись. Такой исход представляется возможным, но детали королевского решения известны нам именно из хроникального рассказа, а не из сохранившегося приказа.

При этом историография не должна заранее решать, были ли французские и германские группы совершенно независимыми. Гэри Диксон обратил внимание, что некоторые рейнские хронисты описывали движение как явление, охватившее Францию и германские земли, тогда как ранние французские сообщения почти не упоминают германских участников. Это расхождение важно само по себе. Оно показывает, что часть современников могла воспринимать события как широкое религиозное движение, но не доказывает существования единого руководства, общего маршрута или согласованного плана. Следовательно, следует различать три уровня: возможную общность религиозного импульса, восприятие движения хронистами как связанного явления и документально не установленную организационную координацию отдельных групп. Такая постановка вопроса точнее, чем безоговорочное утверждение как об одном походе, так и о полностью изолированных шествиях.

При оценке этих сообщений необходимо учитывать не только содержание, но и время их записи, а также год, под которым хронист поместил известие. Лаонская хроника особенно ценна для французского эпизода: её рассказ о Стефане и реакции Филиппа II близок к событиям и не содержит позднейшей завершённой истории о путешествии к морю. Генуэзские анналы Огерио Пане важны по другой причине: городской автор фиксирует прибытие группы в конкретный день и описывает её как паломническую толпу, в которой были мужчины, женщины и дети. Кёльнская королевская хроника требует отдельной хронологической оговорки: запись помещена под 1213 годом, хотя сам хронист относит движение к промежутку между Пасхой и Пятидесятницей 1212 года. Поэтому рубрику аннала нельзя механически принимать за дату описываемого события. Кёльнская и Марбахская традиции позволяют увидеть более широкий масштаб движения и отношение к нему церковных наблюдателей, но их формулировки нельзя механически соединять в единый маршрут или рассказ об одной колонне. Позднейшие повествования, прежде всего рассказ Альберика из Труа-Фонтена о морском путешествии и продаже участников, требуют отдельной проверки: подробность рассказа сама по себе не делает его достовернее ранней краткой записи. При этом и ранний текст не следует считать прозрачным протоколом очевидца: хронист отбирал сведения, пользовался привычными религиозными формулами и мог передавать чужие рассказы. Поэтому надёжность устанавливается не по красочности или полноте повествования, а по совокупности датировки, происхождения сообщения, текстуальных связей и возможности независимого подтверждения.

Отсутствие записи ещё не доказывает, что события не было. Но оно ограничивает то, что историк вправе утверждать. Папский призыв к движению 1212 года документально не установлен, поэтому называть его официально объявленным крестовым походом нельзя. Списков участников нет — значит, невозможно подсчитать долю детей. Ранние свидетельства не подтверждают рассказ о французских кораблях и продаже всей группы в рабство. Эта история относится к поздней традиции. Осторожность нужна и при чтении чисел. Указанные хронистом «тридцать тысяч» могли означать просто огромную толпу. Если источники расходятся, точнее говорить о множестве участников, чем выбирать самую внушительную цифру. Дата прибытия в Геную, названная городским анналистом, служит более твёрдым ориентиром, чем его оценка численности пришельцев. Имена Стефана и Николая встречаются в сравнительно ранних рассказах, но подробных биографий у нас нет. Стефана называют пастухом из Клуа, вероятно Клуа-сюр-ле-Луар близ Вандома; Николая связывают с Кёльном. Их точный возраст неизвестен. Поздние авторы наделили обоих речами, переживаниями и личными трагедиями. Для художественного рассказа такие подробности подходят, но считать их историческими фактами нельзя.

Маршрут германской группы восстанавливается по точкам, названным независимыми записями: Рейнская область, переход через Альпы, Пьяченца, Генуя, возможно Пиза, Рим и южноитальянские порты. Не каждый участник прошёл весь путь. Толпа могла разделяться,

терять людей и принимать новых. Поэтому маршрут на карте следует понимать как общее направление, а не как путь одной колонны, прошедшей его от начала до конца.

События 1212 года

Весной или в начале лета 1212 года пастух Стефан, согласно хронике, рассказывал, что встретил Христа в облике бедного странника. Тот попросил хлеба и поручил передать послание королю. Лаонская анонимная хроника (издание А. Картельери и В. Штехеле, 1909, с. 70–71) называет Стефана Stephanus quidam puer, officio pastor — «некий мальчик Стефан, по занятию пастух». Для средневекового слушателя встреча с Христом в образе путника была понятным евангельским мотивом. Она объясняла, почему простой пастух осмелился обратиться к королю. Из Клуа, расположенного в долине Луары, весть о Стефане распространилась по окрестностям. Вокруг него собирались последователи. Лаонский хронист пишет, что юные проповедники появлялись per diversas partes Galliarum — «в разных областях Франции», — и сходились к Сен-Дени. Вероятнее всего, речь шла не о единой организации, а о группах, которых привлекала общая весть. Сен-Дени был важным выбором: аббатство хранило реликвии покровителя королевства и было связано с французской монархией. Здесь Стефан мог попытаться обратиться к Филиппу II. Раннее свидетельство не даёт оснований утверждать, что его последователи уже собирались идти к Средиземному морю. Главный эпизод рассказа — попытка передать письмо королю.

Большое собрание паломников у Сен-Дени привлекло внимание Филиппа II. По сообщению Лаонского анонима, король посоветовался с парижскими магистрами и велел людям разойтись по домам. Хронист подчёркивает, что решение было принято после совета с учёными. Судя по ранним французским сообщениям, массовое движение на этом прекратилось: они не описывают дальнейшего похода Стефана к морю. Это отличает французские события от германского движения, участники которого пересекли Альпы. Однако приказ короля не доказывает, что каждый паломник сразу вернулся домой. Кто-то мог продолжить путь самостоятельно или остаться в городе; проследить эти судьбы источники не позволяют. Неизвестно и содержание послания, которое Стефан намеревался вручить королю. Нельзя установить, существовало ли письмо как предмет или хронист придал письменную форму рассказу о пророчестве. Средневековым людям были знакомы истории о небесных письмах, призывавших к покаянию. Их убедительность зависела не от происхождения бумаги, а от веры в божественный источник послания.

Поздние авторы превратили Стефана в предводителя похода на Иерусалим и связали французские события с марсельской легендой. Но близкое ко времени событий свидетельство говорит прежде всего о его обращении к королю. Сам по себе этот эпизод примечателен: пастух, не обладавший ни саном, ни высоким положением, заявлял о праве говорить от имени Христа. Германское движение связывают с Николаем, которого традиция называет юношей из Кёльна. Некоторые источники упоминают знак в форме буквы тау — символ, связанный с покаянием и избранностью. В начале XIII века он был известен также по проповедям Иннокентия III и Франциска Ассизского. Большие Шефтларнские анналы объясняют замысел Николая словами iussu angelico — «по ангельскому повелению». Согласно этому рассказу, море должно было открыть siccum iter — «сухой путь», подобно тому как оно открылось перед израильтянами. Эта запись не доказывает, что чудо было обещано каждому участнику; она показывает, как хронист передавал их надежду. Кёльн, куда приходили паломники к мощам Трёх волхвов, был естественным местом сбора. Далее люди двигались на юг по Рейнской области отдельными группами. Хроника называет их pueri diversae aetatis — «юными людьми разного возраста» — и упоминает отряды по двадцать, пятьдесят и сто человек. Это скорее картина разрозненного шествия, чем единого войска.

Источники не дают единого ответа на вопрос о цели германских паломников. Одни связывают их намерения с освобождением Святой земли, другие говорят о чудесном переходе

через море. Возможно, представления участников различались и менялись в пути. Их объединяла надежда совершить то, чего не добились вооружённые рыцари. Чтобы попасть из Рейнской области в Геную, требовалось пройти сотни километров и пересечь Альпы. Предполагают путь через Швабию и один из центральных перевалов, но точный маршрут всей группы неизвестен. Летом горные дороги были доступнее, чем зимой, однако холод, подъёмы и нехватка пищи оставались серьёзными испытаниями. По мере движения люди отставали, возвращались или задерживались в городах. Марбахский анналист писал: Nec retineri poterant ullo modo a parentibus et amicis — «родители и друзья никак не могли их удержать». Эти слова свидетельствуют о тревоге близких, но не раскрывают обстоятельств каждой семьи. В дороге паломникам угрожали болезни, истощение и травмы. Им приходилось рассчитывать на милостыню и помощь местных жителей. Одни современники могли восхищаться их верой, другие — опасаться большой толпы. Хроники сохранили следы обоих взглядов.

Огерио Пане записал прибытие Николая и его спутников в Геную 25 августа 1212 года. В Генуэзских анналах Николай назван *quidam puer Teutonicus nomine Nicholaus* — «неким немецким мальчиком по имени Николай». Пришельцы несли *cruces et bordonos atque scarsellas* — «кресты, дорожные посохи и сумы», то есть выглядели как паломники. Состав толпы анналист передал формулой *inter homines et feminas et puellos et puellas* — «среди мужчин, женщин, мальчиков и девочек». Пьяченцская запись ещё нагляднее: рядом с Николаем шла *magna et indefinita multitudo* — «большая и неисчислимая толпа», в которой были *puerorum et infantium lactantium, mulierum et puellarum* — «мальчики, грудные младенцы, женщины и девушки». Они проходили через город *ultra mare proficisci festinantes* — «спеша отправиться за море», — и говорили, что должны вернуть *sepulcrum Domini*, «Гроб Господень», из рук сарацин. Современники видели не исключительно детское войско, а пёструю массу людей с ясной религиозной целью. Генуя допустила пришельцев внутрь лишь на ограниченное время. Некоторым, по позднейшей, но правдоподобной традиции, предложили остаться и получить гражданство. Генуя нуждалась в рабочей силе, а отдельные пришельцы могли предпочесть город неопределённой дороге.

Генуэзские анналы фиксируют прибытие группы Николая 25 августа 1212 года, но не подтверждают чудесного расступления моря. Позднейшие рассказы придают ожиданию чуда центральное место; по ним, однако, нельзя установить, разделяли ли его все прибывшие. После Генуи сведения о дальнейших путях паломников становятся разрозненными. Отдельные хроники упоминают другие итальянские города и возвращение части странников, но не позволяют проследить единую колонну от Рейна до южных портов. Рассказ о встрече с Иннокентием III и освобождении юных паломников от обета также нуждается в осторожной оценке: современного папского документа, подтверждающего такую встречу, нет. Историк может сопоставлять эти сообщения, но не должен превращать поздние эпизоды в установленную последовательность событий.

Участники движения

Один из главных вопросов исследования связан со значением латинского слова puer. Puer прежде всего означает мальчика или ребёнка мужского пола. Но контекст мог расширять значение до юноши, слуги или зависимого работника. Множественное pueri в хрониках могло включать людей разного пола и возраста, подобно тому как название социальной группы не всегда буквально описывает каждого её члена. В 1977 году Петер Редтс предложил влиятельную интерпретацию: pueri были не детской возрастной категорией, а бедными людьми на обочине сельского общества. По его мнению, позднейшие хронисты неверно поняли социальное обозначение как указание на возраст и создали легенду о детях. Эта гипотеза объяснила присутствие взрослых и связь движения с апостольской бедностью. Гэри Диксон возразил против полного устранения детей из картины. Ранние источники прямо говорят о возрасте от шести лет до зрелости, упоминают мальчиков и девочек и описывают тревогу родителей. По его оценке, участники были смешанной группой, но молодые люди и настоящие дети составляли заметную часть и придавали движению особый характер. Эти позиции не обязаны исключать друг друга полностью. Возраст и статус в средневековом обществе были связаны. Молодой пастух, подмастерье или домашний слуга одновременно был юн и зависим. Называя толпу pueri, автор мог видеть и возраст, и низкое положение, и отсутствие политического веса.

Перечень возможных социальных групп — пастухи, пахари, возчики, наёмные работники, слуги, младшие члены крестьянских семей и люди без устойчивого хозяйственного положения — следует понимать как осторожную реконструкцию, а не как сохранившуюся ведомость участников. Хроники называют отдельные занятия и описывают людей, оставивших плуги, повозки или стада, но не сообщают систематических сведений об их собственности, доходах и семейном положении. Поэтому нельзя уверенно утверждать, что движение было исключительно выступлением безземельных крестьян или, напротив, исключительно детским паломничеством. Вероятнее, его социальная база была неоднородной: общим для многих участников становилось не одно занятие, а положение вне военной и политической элиты, ограниченные средства и доступность религиозного призыва. При этом степень бедности отдельных участников источники установить не позволяют.

Социальную характеристику участников нельзя сводить к формуле «сельская беднота». В историографии спорят о том, что обозначало слово pueri в конкретных хроникальных контекстах. Петер Редтс подчёркивал положение людей на периферии сельского общества и связь движения с идеалом апостольской бедности. Гэри Диксон предостерегал от сведения этого обозначения только к социальному статусу и обращал внимание на присутствие детей и молодых участников. Эти подходы высвечивают разные стороны явления, но не дают оснований считать всех паломников одинаковыми по происхождению, занятию или возрасту.

Однако состав толпы и представления о ней, сохранившиеся в хрониках, не совпадали. Даже если дети не составляли абсолютного большинства, они могли находиться впереди процессий, петь, пророчествовать и привлекать внимание. Хронист запоминал необычное. Толпа с несколькими сотнями детей среди тысяч взрослых всё равно могла войти в память как движение детей. Есть и риторическое измерение. В христианской традиции ребёнок символизировал смирение и чистоту. Евангельские слова о младенцах позволяли представить слабых как избранных Богом. Противники движения пользовались обратным стереотипом: детскость означала глупость, непостоянство и отсутствие рассудительности. Одно слово позволяло и прославлять, и осуждать. Название «детский» и мужская форма pueri легко заслоняют женщин и девочек. Некоторые хроники специально отмечают присутствие обоих полов. В долгом пешем движении могли участвовать семьи, служанки, вдовы и женщины-паломницы. Поздние моралисты иногда подчёркивали смешение полов как источник беспорядка и греха. Источники

почти не передают женских голосов. Это обычное ограничение средневековой письменности, создававшейся преимущественно духовными лицами — мужчинами. Отсутствие имён не означает отсутствия участия. При реконструкции следует говорить не только о «мальчиках», если источник описывает смешанную массу.

Возрастной состав участников невозможно определить точно: списки паломников не сохранились, а числа, приводимые хронистами, приблизительны. Точную долю детей установить нельзя. Можно установить лишь диапазон качественных выводов: движение не состояло исключительно из малолетних; дети действительно присутствовали; подростки и молодые взрослые, вероятно, были особенно многочисленны; взрослые бедняки и сопровождавшие лица также участвовали. Такой вывод звучит менее впечатляюще, чем рассказ о тысячах детей, но лучше соответствует сохранившимся свидетельствам. Ожидание расступившегося моря отсылало к библейскому Исходу. Моисей вывел народ Израиля через воды, а преследователи погибли. Для средневекового христианина этот рассказ был не древней сказкой, а частью живой священной истории, повторяемой в богослужении. Если Бог избрал слабых, природное препятствие не могло считаться окончательным. Чудо не отменяло путь, а венчало его. Участники должны были доказать веру движением, голодом и отказом от привычной жизни. Дорога превращалась в испытание, сходное с покаянным паломничеством. Поэтому современное объяснение «они не знали географии» недостаточно. Люди могли понимать, что море обычно непроходимо пешком, и именно поэтому ожидали сверхъестественного вмешательства.

После неудач вооружённых походов распространялось представление, что Бог мог избрать для священной миссии не сильных, а бедных. Это представление опиралось на евангельские парадоксы, где первые становятся последними, а смиренные наследуют Царство. Редтс видел в этом ядро движения и связывал его с культом апостольской бедности. Однако безоружность не всегда означала сознательный пацифизм. Участники могли ожидать, что Бог сам обеспечит победу, обратит противника или откроет дорогу. Их проект не следует автоматически превращать в современное мирное движение. Он оставался частью культуры крестового похода, где освобождение святыни воспринималось как законная священная цель. Одна из хроник сохраняет целый рефрен: *Domine Deus, exalta christianitatem! Domine Deus, redde nobis veram crucem!* — «Господи Боже, возвеличь христианство! Господи Боже, верни нам Истинный Крест!». Даже если запись передаёт слова приблизительно, она показывает важность общего пения. Песня задавала ритм ходьбы, объединяла незнакомых людей и превращала толпу в религиозную процессию. Хронист добавляет, что процессии шли *per civitates, villas et castella* — «через города, селения и укреплённые места». Это уже не безликая легенда, а заметное для окружающих движение по населённой Европе. Знак креста делал намерение видимым. Но самовольное принятие креста ставило церковь перед трудностью. Символ принадлежал общему христианскому миру, его нельзя было легко запретить; одновременно духовенство стремилось контролировать обеты и проповедь. Движение находилось между признанной формой благочестия и опасной самодеятельностью.

Стефан и Николай не имели признанного церковного сана или высокого общественного положения, но заявляли иной источник авторитета. Харизма основывалась на личном знаке, видении или способности убеждать. Молодость усиливала парадокс: если ребёнок говорил о великих вещах, слушатель мог увидеть либо божественное избрание, либо нелепость. Средневековые общества знали детей-визионеров. Их слова воспринимались серьёзно, когда совпадали с ожиданиями общины. Однако личное влияние вождей было непрочным. Королевский приказ мог рассеять последователей Стефана; нерасступившееся море подрывало обещание Николая. Без института, имущества и устойчивой иерархии движение быстро распадалось после неисполнения пророчества.

Дорога через средневековую Европу

Одиночный пеший путник при благоприятных условиях мог проходить от двадцати до тридцати километров в день. Большая группа, в которой находились люди разного возраста, обычно двигалась медленнее. Погода, болезни, поиски пищи и ожидание отставших сокращали переход. Путь от Кёльна до Генуи составлял около тысячи километров или более в зависимости от маршрута. Он занимал многие недели, поэтому рассказ о внезапном общем порыве следует дополнить картиной длительной повседневной работы движения. Нельзя представить колонну, похожую на современный организованный марш. Люди шли группами, растягивались по дороге, ночевали в разных местах. Общая идентичность поддерживалась слухами, знаками и направлением пути. Часть участников могла никогда не увидеть Николая лично. Главным ресурсом была милостыня. Монастыри и городские госпитали помогали бедным странникам, но их возможности были ограничены. Пища состояла из хлеба, каши, бобовых, иногда сыра или рыбы. Вода из незнакомых источников и скученность повышали риск кишечных болезней. Ночевали в церковных помещениях, сараях, на площадях или под открытым небом. Лето облегчало путь, но в горах ночи оставались холодными. Обувь быстро изнашивалась. Для бедняка запасная пара была роскошью. Эти обстоятельства позволяют объяснить возможные потери в пути, не прибегая к позднему рассказу о единой внезапной катастрофе. Дорога несла угрозу насилия и эксплуатации. Одинокий молодой путник мог стать жертвой грабежа, принудительной службы или торговли людьми. Но возможность отдельных преступлений не подтверждает позднюю историю о заранее спланированной продаже всей массы детей.

Опасность исходила и из самой толпы. Нехватка пищи порождала кражи и конфликты. Городские власти стремились быстро провести пришельцев через территорию. Хронисты могли называть это гостеприимством или изгнанием в зависимости от отношения к движению. Обратный путь был, вероятно, тяжелее. Надежда на чудо исчезла, милостыня иссякала, а осень приближалась. Поздние тексты описывают возвращавшихся в унизительном виде и сообщают, что над ними смеялись. Такое сообщение соответствует морализаторской логике, но правдоподобно передаёт социальное падение неудавшегося движения, основанного на пророческих ожиданиях. Некоторые не вернулись потому, что умерли. Другие остались в итальянских городах, нанялись на работу, вступили в религиозные дома или продолжили индивидуальное паломничество. Исчезновение из хроник не равно гибели. Письменность замечает массу при её появлении, но редко следит за тысячами разошедшихся людей. Реакция французского короля показывает практическую рациональность власти. Филипп не признал небесного мандата Стефана, но и не превратил собрание в повод для показательной расправы. Совет парижских магистров позволил представить роспуск как обоснованное решение. Вероятно, такая мягкая мера была эффективнее насилия: участники ещё не образовали вооружённого мятежа.

Реакцию королевской власти на шествия нельзя объяснять единственным мотивом. Массовое собрание людей ставило вопросы о порядке, снабжении и возвращении участников к семейным обязанностям. Однако источники не позволяют уверенно утверждать, что Филипп II опасался именно конкуренции в организации крестового похода. Столь же осторожно следует относиться к поздним словам, приписываемым Иннокентию III: они выразительно передают нравственный смысл легенды, но не являются достоверно засвидетельствованной прямой речью папы. Итальянские городские записи имеют иной характер: их авторы прежде всего отмечали появление странников и решения, значимые для местной общины. Поэтому такие свидетельства полезны для установления отдельных дат и мест, но значительно меньше говорят о намерениях паломников.

При оценке религиозных обетов церковные власти учитывали возраст человека и его способность принять обязательство. Однако конкретные правовые последствия зависели от

обстоятельств, поэтому нельзя автоматически переносить позднейшие нормы на события 1212 года. Рассказ о папе, откладывающем исполнение обета до зрелости, отражает реальную юридическую проблему, даже если конкретная сцена создана позднее. Здесь проявляется различие между искренностью и законностью. Человек мог искренне принять крест, но не иметь способности дать обязательный обет. Для церковной власти требовалось сохранить уважение к религиозному порыву и одновременно вернуть его в управляемые рамки.

Итоги движения

Раннее свидетельство о французском движении сообщает о распоряжении Филиппа II разойтись, но не позволяет установить дальнейшую судьбу каждого последователя Стефана. Рассказ о марсельских купцах и продаже паломников в рабство принадлежит более поздней традиции; переносить его на французскую группу как доказанный факт нельзя. О германском движении известно, что часть странников достигла Италии, однако сохранившиеся известия не подтверждают единой морской экспедиции в Святую землю. Предание о семи кораблях, кораблекрушении у Сардинии и пленении участников следует рассматривать отдельно от более ранних записей. Оно существенно повлияло на образ Детского крестового похода, но его подробности не дают надёжной картины судеб всех участников.

Рассказ появляется у Альберика из Труа Фонтен, писавшего спустя десятилетия. В нём названы конкретные имена и числа, создающие впечатление документальной точности. Но ранние свидетельства не связывают французское движение с массовым отплытием из Марселя. Современные историки рассматривают историю как позднюю традицию, возможно сохранившую отдельные воспоминания о кораблекрушениях или торговле людьми, но не как надёжное описание судьбы всех участников. В смысле официально санкционированной папством экспедиции движения 1212 года не были крестовым походом: отсутствовал установленный папский призыв и единое признанное руководство. Но участники использовали язык и символы крестоносного движения, принимали крест и связывали путь со Святой землёй. Поэтому термин можно употреблять как традиционное название, если постоянно помнить его условность. Некоторые исследователи предпочитают выражения «движение pueri», «паломничество детей» или «народная религиозная экспедиция». Ни одно название не нейтрально. Сохранение привычного названия полезно для связи с историографией, а оговорка защищает от буквального понимания.

Рождение легенды

Позднейшая традиция не складывалась как простая цепочка, в которой каждый хронист лишь переписывал предшественника. В ней соединялись разные местные сообщения, устные рассказы и литературные способы осмысления необычного религиозного движения. Альберик из Труа-Фонтен включил в повествование историю о Марселе, кораблях, кораблекрушениях и продаже паломников; Матвей Парижский и Винсент из Бове представили движение в собственных универсально-исторических и нравоучительных рамках. Сходство отдельных мотивов ещё не доказывает прямого заимствования между этими авторами. Для такого вывода необходимы совпадения более специфических деталей, текстуальные параллели и возможность установить доступ одного хрониста к тексту другого. Поэтому поздние версии следует сопоставлять между собой, но не объединять в единую доказанную последовательность. Поздний автор мог располагать сведениями, не сохранившимися в ранних источниках; его нельзя отвергать только из-за времени записи. Однако каждая дополнительная подробность требует отдельной проверки. Для истории памяти эти тексты ценны независимо от того, насколько точно они передают события 1212 года: они показывают, как движение превращалось в нравственный рассказ о беззащитности, родительской ответственности и роли духовенства.

В поздних пересказах ответственность за трагедию возлагали то на проповедников, то на родителей, правителей или купцов. Выбор стороны, которую автор считал ответственной, менял смысл истории. Для церковного моралиста она предупреждала против неуправляемого энтузиазма; для романтического автора обличала холодный взрослый мир. Даже рассказ, достоверность которого вызывает сомнения, имеет собственную историю. Он влияет на литературу, образование и историческую память. Поэтому задача не заканчивается разоблачением. Нужно объяснить, почему определённая версия оказалась долговечнее точной реконструкции. Легенда легко запоминается благодаря отчётливо обозначенным героям, цели и трагической развязке. Историческое событие было распределено между регионами, участники понимали его по-разному, а финал состоял из множества незаписанных решений. Память предпочитает форму, которую можно рассказать за несколько минут. Историки XIX века часто принимали позднюю повествовательную традицию за основу, хотя уже тогда сравнение хроник вызывало сомнения. В 1914 году американский медиевист Дана Манро опубликовал критическое исследование, систематизировавшее источники и отделившее ранние свидетельства от поздних украшений. Его исследование стало важным этапом профессионального изучения темы. Норман Закур в коллективной истории крестовых походов представил осторожный синтез, сохранив существенную роль детей, но подчеркнув источниковые трудности. К этому времени «детский поход» уже рассматривали в широком контексте народных крестовых движений.

Статья Редтса, опубликованная в 1977 году, существенно повлияла на дальнейшую историографическую дискуссию. Он сопоставил сообщения хронистов разных периодов и показал, как поздняя традиция усиливала детскую составляющую. Главным выводом стало социальное толкование pueri как бедных маргиналов сельского общества. Значение этой работы заключалось в соединении филологии и социальной истории. Спорным, однако, осталось стремление объяснить слово исключительно социальным положением участников, почти исключив его возрастное значение. Раннее прямое упоминание шестилетних участников трудно объяснить только классовым ярлыком. Диксон вернул детям заметное место, не возвращаясь к буквальной версии единого детского войска. Он исследовал генезис движения, религиозный энтузиазм, пророческие ожидания и позднейшую «мифоисторию» сюжета. Его подход показывает, что история события и история его образов должны изучаться вместе. Спор Редтса и Диксона полезен не тем, что один окончательно победил другого. Этот спор показывает необходимость учитывать различные значения одного и того же слова. Лингвистическое значение, социаль-

ная структура, наблюдаемое присутствие детей и символический образ толпы могут сосуществовать. Большинство современных обзоров признаёт два отдельных движения, отсутствие официальной папской санкции, смешанный состав участников и постепенное формирование легенды. Разногласия сохраняются относительно доли детей, точных целей, роли апостольской бедности и достоверности отдельных поздних эпизодов. При этом социальное объяснение Редтса не стало общепринятым: Гэри Диксон, опираясь на собственное прочтение свидетельств, признаёт участие взрослых, но подчёркивает заметную роль детей и подростков. Разногласие касается не самого существования движения, а состава участников и возможностей его реконструкции по разрозненным источникам.

Отдельного внимания заслуживает гипотеза Диксона о первоначальном импульсе движения. В статье 1995 года он предположил, что одним из исходных эпизодов могли стать молитвенные процессии в Шартре, связанные с угрозой христианским владениям на Пиренейском полуострове и призывами поддержать борьбу против альмохадов. В этой реконструкции местные процессии постепенно выходят за пределы церковного контроля, а затем движение приобретает собственных предводителей во Франции и германских землях. Эта схема объясняет возможную связь событий 1212 года с общей обстановкой крестовой мобилизации, однако её отдельные звенья не имеют одинаковой степени документальной опоры. В частности, привязка исходного импульса именно к Шартру остаётся исследовательской реконструкцией, а не прямым сообщением хрониста о возникновении всего движения. Критический разбор книги Диксона Томасом Мэдденом также обращает внимание на риск превращения вероятного сценария в подробное описание событий. Поэтому гипотезу следует рассматривать как содержательное объяснение контекста, но не как окончательно установленную последовательность. Сопоставление подходов Редтса и Диксона показывает, что историографический спор касается не только значения слова pueri, но и того, насколько далеко можно идти от кратких хроникальных известий к реконструкции происхождения движения.

История и память

В XIX веке сюжет отвечал романтическому интересу к Средневековью и трагической невинности. Художники и писатели изображали светлые толпы, уходящие от плачущих матерей. Социальная неоднородность исчезала; на её месте возникал коллективный ребёнок, противопоставленный расчётливому миру взрослых. Этот образ был эмоционально силён и педагогически удобен. Он предупреждал детей против легковерия, а взрослых против равнодушия. В таких произведениях нравственное воздействие нередко оказывалось важнее исторической точности. Мотив использовали Марсель Швоб, Бертольт Брехт и другие авторы. В XX веке история могла читаться как притча о массовом энтузиазме, политической манипуляции или жертвах войны. Одно и то же событие становилось зеркалом разных эпох. Роман Теа Бекман «Крестоносец в джинсах» превратил поход в приключение для молодого читателя. Художественное произведение вправе создавать персонажей и связный маршрут. Проблема возникает лишь тогда, когда его подробности незаметно возвращаются в учебный пересказ как факты. Выражение «детский крестовый поход» применяли к молодёжным движениям, часто с неодобрительным оттенком. Метафора предполагает искренность, наивность и использование молодых взрослыми лидерами. Такое употребление больше говорит о позиции автора, чем о 1212 годе.

Привычное название способно навязать оценку события ещё до знакомства с источниками: слово «детский» подчёркивает возраст и может заслонить социальное разнообразие участников. Знание реальной сложности средневекового движения помогает осторожнее относиться к аналогиям. Сегодня история вызывает вопросы о детской субъектности. Были ли молодые участники только жертвами? Источники показывают, что они принимали решения, убеждали других, уходили из дома и выдерживали тяжёлый путь. Признание их самостоятельности не отменяет уязвимости и не снимает ответственности со взрослых. Другой современный вопрос касается информации. Слух о Стефане распространялся без печати и социальных сетей, но достаточно быстро, чтобы собрать большие группы. Рынки, проповеди, паломнические дороги и личные связи образовывали эффективную сеть. Средневековая медленность не исключала внезапной массовой мобилизации.

Границы исторического знания: как читать свидетельства о 1212 годе

О событиях 1212 года сохранилось сравнительно мало записей. Одни хронисты жили близко к местам, где проходили шествия, другие узнавали о них от путников. Позднее эти разрозненные известия превратились в цельный рассказ о детях, отправившихся освобождать Иерусалим. Но единого свидетельства очевидца, описавшего весь путь от начала до конца, нет. Историку приходится сопоставлять отдельные сообщения и выяснять, кто их записал, когда и откуда получил сведения.

Монастырский писец, услышав о толпе паломников, не обязательно выяснял имена участников и проверял каждую подробность. Он стремился сохранить памятное событие и объяснить его смысл. Поэтому хроника не похожа на современный репортаж: рядом с названием города в ней может оказаться слух о чуде или нравственное рассуждение. Такая запись ценна, особенно если других не сохранилось. Однако сведения в ней имеют разную степень надёжности.

Нужно различать то, что происходило, и то, во что верили люди. Рассказ о паломниках, ожидавших, что море расступится, говорит об их надеждах или о представлениях самого хрониста. Он не доказывает, что все участники думали одинаково. Сообщение о видении прежде всего показывает, что история о нём была известна и казалась важной. Установить, что именно пережил человек, если мы знаем об этом лишь из чужого пересказа, почти невозможно.

Два похожих рассказа не всегда подтверждают друг друга. Средневековые хронисты нередко заимствовали тексты предшественников, сокращали их или дополняли новыми подробностями. Поэтому совпадение слов ещё не означает, что перед нами независимые свидетели. Историки сравнивают даты, порядок событий, редкие выражения и даже общие ошибки. Если оба автора опирались на одну запись, их рассказы нельзя считать двумя самостоятельными доказательствами.

Важно и то, где находился автор. Генуэзский хронист мог узнать о прибытии паломников непосредственно в городе. Писец далёкого монастыря, вероятно, услышал об этом позднее, когда известие уже прошло через несколько пересказов. Но и близость к событиям не гарантирует точности: очевидец видел лишь часть происходившего. Сообщение о появлении людей в Генуе заслуживает большего доверия, чем поздний рассказ об их судьбе, однако не отвечает на все вопросы.

Особые трудности вызывает латинское слово pueri. Его часто переводят как «дети» или «мальчики», и читатель невольно представляет совсем юных паломников. Но значение зависит от контекста: слово могло указывать не только на возраст, но и на молодость или зависимое положение. Это не повод исключать детей из числа участников. Просто одного обозначения недостаточно, чтобы определить возраст и общественное положение всей толпы.

Спор о слове pueri заметно изменил изучение событий 1212 года. Петер Редтс обратил внимание на возможный социальный смысл этого обозначения. Гэри Диксон исследовал религиозную среду и способы, которыми современники описывали движения. Вопрос не сводится к выбору между двумя крайностями — «шли только дети» или «детей не было вовсе». Важно понять, кто участвовал в каждом шествии и почему позднее главным признаком участников стали считать их возраст.

Французское и германское движения освещены источниками неравномерно. Нет достаточных оснований считать их частями одной организованной экспедиции. Участники могли разделять религиозные надежды и выступить в один год, но это ещё не доказывает наличие общего руководства, маршрута или плана. Поэтому выражение «движения 1212 года» нередко точнее привычного названия в единственном числе.

Числа в хрониках также требуют осторожности. Автор мог сообщить о тысячах людей, не имея возможности их пересчитать. Круглая цифра часто передавала впечатление от огромной толпы; порой хронист лишь повторял чужую оценку. Поэтому число, выглядящее точным, не обязательно надёжнее слова «многие». Источники позволяют судить о заметном размахе шествий, но не дают оснований выдавать оценки за результаты подсчёта.

Самой известной стала история о кораблях, гибели в море и продаже паломников в рабство. Она запоминается потому, что надежда в ней оборачивается предательством. Однако подробные версии появились спустя годы после событий. Историку важно показать, когда возник этот рассказ и чем он отличается от ранних сообщений. Драматическая сила легенды сама по себе не подтверждает её достоверности.

Повседневная жизнь участников почти не отразилась в хрониках. Мы редко знаем, где они ночевали, как добывали пищу, кто помогал им и почему некоторые возвращались домой. Представить условия дороги помогают сведения о средневековых городах, переправах и гостеприимстве. Но общие знания об эпохе нельзя превращать в подробный рассказ о каждом дне конкретного шествия.

Пробелы в свидетельствах не мешают рассказывать об этих событиях понятно и увлекательно. Если независимые записи согласуются, вывод может быть увереннее. Если они противоречат друг другу, следует объяснить расхождение. А когда подробность известна лишь из позднего предания, об этом нужно сказать прямо. Так за привычной легендой становятся видны и люди 1212 года, и границы наших знаний об их судьбах.

Религиозный язык, обет и ожидание чуда

В XIII веке паломничество было не просто долгой дорогой. Люди отправлялись к святыням, исполняя обещание, надеясь на прощение или помощь Бога. Об Иерусалиме они слышали в церкви, из проповедей и рассказов вернувшихся странников. Поэтому призыв оставить дом ради Святой земли был им понятен. Чтобы разобраться в событиях 1212 года, нужно учитывать представления самих участников, а не объяснять их поступки только современными мерками.

Обет был серьёзным обещанием, данным перед Богом. Однако желание отправиться к святыне ещё не означало принятия крестового обета, признанного церковью. Значение имели возраст человека, содержание обещания и отношение духовных властей. Хроники не сообщают, какие обязательства принял каждый участник движений 1212 года. Поэтому изображать их единым войском, связанным одинаковыми обетами, было бы неверно.

Паломники и крестоносцы нередко пользовались одними дорогами, но отправлялись в путь на разных основаниях. Паломничество было связано с молитвой и посещением святых мест. Участие в крестовом походе предполагало особый церковный призыв и связанные с ним обязательства и привилегии. В поздних рассказах о 1212 годе эти различия стирались. Между тем стремление достичь Иерусалима само по себе не доказывает официального признания движения крестовым походом.

Рассказы о чудесах были привычной частью религиозной жизни Средневековья. Люди слышали о святых, исцелениях и неожиданной помощи путникам. Но вера в возможность чуда не делала всех единомышленниками. Одни могли поддержать проповедника, другие — тревожиться за близких и сомневаться в разумности похода. Хроники охотнее описывали необычные шествия, чем тех, кто остался дома. Поэтому единодушие участников и свидетелей нельзя принимать как установленный факт.

Уход в далёкий путь менял жизнь не только самого паломника. В деревне оставалась работа в поле, в городе — ремесло и торговля, дома — дети и пожилые родственники. Кто-то, возможно, отправлялся с согласия семьи, кто-то — вопреки её желанию. Об отдельных судьбах источники почти молчат. Но повседневные обязанности помогают понять, почему вести о шествиях могли вызывать одновременно восхищение и страх.

Новости о проповедниках передавались из уст в уста: на рынках, у церквей, на дорогах и постоялых дворах. В каждом пересказе одни подробности сохранялись, другие исчезали или менялись. Так призыв, услышанный несколькими людьми, мог привлечь новых последователей. Однако точного пути распространения известий о Стефане и Николае мы не знаем. Историк вправе объяснить, как люди обменивались новостями, но не должен придумывать встречи, не засвидетельствованные источниками.

Шествия ставили перед властями сразу несколько вопросов. Религиозное рвение могло вызывать уважение, но многочисленным путникам требовались пища, ночлег и безопасная дорога. Уход молодых людей затрагивал семьи и хозяйства. Поэтому король, епископ или городской совет мог сочувствовать участникам и одновременно опасаться последствий их путешествия. Реакцию властей нельзя свести к противостоянию веры и запретов: речь шла также о порядке и повседневных нуждах.

Привычный образ «разумных взрослых» и «обманутых детей» слишком упрощает события 1212 года. Религиозная надежда, семейные обязанности и трудности дороги влияли на решения людей одновременно. Участники могли спорить, отставать, возвращаться домой или продолжать путь. Большинство их голосов не дошло до нас. И всё же сохранившиеся свидетельства позволяют увидеть за поздней легендой людей с разными ожиданиями и судьбами.

Французское движение: Стефан, Сен-Дени и пределы свидетельств

О французском движении 1212 года известно прежде всего благодаря рассказам о Стефане из Клуа. Весть о его религиозном призвании привлекла людей, но привычная картина организованного шествия от Франции до моря сложилась позднее. Ранние свидетельства гораздо сдержаннее: они сообщают об отдельных событиях, не описывая единого маршрута

или общего руководства. Поэтому историю Стефана лучше восстанавливать по сохранившимся известиям, не дополняя их подробностями из легенды.

Хронисты называют Стефана пастухом, но почти ничего не рассказывают о его жизни. Его возраст, семейные обстоятельства и причины поступков остаются неизвестными. Для средневекового автора важен был сам образ простого человека, выступившего с необычным посланием. В обществе, привыкшем слышать публичные призывы от королей и духовенства, такая фигура привлекала внимание. Возможно, именно поэтому история пастуха сохранилась в памяти.

Стефан, согласно рассказу хрониста, получил письмо от Христа. Подтвердить существование такого послания невозможно. Но упоминание письма помогает понять, как объясняли его призвание: оно служило знаком особых полномочий, а обращение к королю придавало призыву определённую цель. При этом нельзя принимать поздние пересказы за дословную речь Стефана или считать их доказательством подлинности письма.

Собрание последователей Стефана возле Сен-Дени привлекло внимание королевской власти. Сен-Дени был тесно связан с французской монархией, а появление многочисленных паломников вызывало практические вопросы: откуда они пришли, чего хотят и когда разойдутся. Хронист сообщает о вмешательстве Филиппа II Августа. Однако точный состав собравшихся, подробности решения короля и обстоятельства возвращения участников остаются недостаточно известными.

Что стало с большинством французских участников, источники не сообщают. Позднее возникла история о дороге к Средиземному морю, кораблях и продаже паломников в рабство. Она стала самой известной частью легенды, но ранние сообщения о Стефане не дают оснований считать её установленным продолжением событий у Сен-Дени. Между этими свидетельствами и подробным морским сюжетом прошли десятилетия. Поэтому дальнейшую судьбу участников приходится признать неизвестной.

История Стефана хорошо показывает опасность поздних подробностей. Когда раннее свидетельство кратко, следующие поколения нередко заполняют пробелы яркими эпизодами. Но убедительный рассказ не обязательно достоверен. Можно объяснить, в каких условиях жили пастухи и паломники начала XIII века, однако эти сведения относятся к эпохе в целом. Они не заменяют отсутствующих данных о самом Стефане.

Германское движение: Николай, Альпы и Генуя

О германском движении хроники рассказывают подробнее, чем о французском. В них упомянуты переход через Альпы, итальянские города и Николай из Кёльна. Но имя предводителя ещё не означает, что за ним всё время шла одна и та же толпа. По дороге люди могли присоединяться к паломникам, отставать или поворачивать домой. Поэтому маршрут на исторической карте соединяет места, о которых сообщают источники, а не воспроизводит каждый день путешествия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.